

Сапрыкина М.Ю.

СОВРЕМЕННЫЙ ГОРОД ГЛАЗАМИ КУЛЬТУРОЛОГА.

Слово “город” (греч. polis; лат. civitas, urbs) обозначало изначально сообщество свободных, равноправных людей, владевших землей, с подвластной им областью, а также сам городской центр, объединяющий граждан. В похвальных описаниях городов в античной литературе можно было прочесть об истории народа, его мифах, преданиях, воинских подвигах и становлении государственности. От слова “urbs” в латинском языке были образованы обозначения наиболее важных сторон культуры.

Переход от догородского общества к первым городским поселениям явился важнейшей вехой в истории. Города родились более десяти тысяч лет назад. Возникали они в силу разных обстоятельств. Одни служили первоначально военными укреплениями, другие — резиденциями правителей, третьи складывались вокруг рынков и торговых портов. Но независимо от того, по какой причине возникал город, он со временем превращался в автономную систему с внутренне присущей ему структурой и закономерностями роста. В каждом городе выделялся центр общения и торговли — рыночная площадь; строились стены, защищавшие горожан от врагов; развивалось ремесло; создавалось самоуправление. Непременным и центральным элементом городской среды был храм, который своими устремленными ввысь башнями и куполами как бы соединял земное, человеческое пространство с небесным и божественным.

Отдельные элементы городского организма — здания, улицы, коммунальные службы и организации постоянно взаимодействовали, приспособлялись друг к другу, сплетались в целостное единство. Исторически город явился средоточием и концентрацией ценностей, богатств, власти, знания, которые до его появления были рассеяны в пространстве, занятом тысячами малых поселений. Выделенный из сельской культуры город должен был постоянно поддерживать с нею связь. Он впитывал в себя разнообразные воздействия этнической и природной “почвы”, которая его породила, и, в свою очередь, подчинял ее своему влиянию, “окультуривая” ее и делая ее своей “провинцией”.

Как бы ни были разнообразны и непохожи друг на друга города, все они имеют нечто общее. Основная особенность городской жизни состоит в концентрации деятельности и общения на небольшой территории, в интенсивном освоении людьми пространства и времени.

В сознании сельского человека город издавна представлял в образе праздника, противоположного трудовым будням деревни. Приехав в город, крестьянин попадал в царство святынь, балаганов, торжищ, гульбы, веселья. Правила поведения в городе разрешали делать то, чего нельзя было делать в деревне. Тут терпимо относились к разгулу, излишествам, мотовству, потасовкам. Пафос городской жизни был проникнут чувствами праздничности и свободы. Город был в чём-то подобен театру. Городская жизнь, с ее открытостью, чередованием празднеств, зрелищ, частных занятий, городских собраний, общественных работ и войны создавала условия для возникновения особого типа солидарности, основанной на богатстве ролевых различий, индивидуальной свободе и чувстве гражданской ответственности. Сказанное относится к сравнительно небольшим по размеру городам древности и средневековья, в которых можно было ощущать себя членом единой общности. В современных супергородах с переменным составом населения это чувство единого гражданства не может сохраниться, уступая место чувству национально-государственной принадлежности или даже космополитическому сознанию. Однако к какой бы общности человек себя ни относил, следует помнить, что само понятие гражданства возникло в городе. Именно здесь родился тот тип личности, для которого приобрели высокий смысл понятия: гражданские права, гражданские свободы, гражданский долг.

Будучи первоначально духовно-культурным и политическим центром, город набирал силы, становясь социально-экономическим организмом. Городские стены обеспечивали безопасность. Рынки привлекали крестьян и торговцев. Ярмарки и праздники служили приманкой для сельского населения. Город был убежищем не только от врагов, но и от жестокого

социального контроля.

В X—XIII вв. молодые европейские города вели упорную борьбу с феодальными сеньорами. В этой борьбе союзниками городов выступали короли и император, которые получали большую выгоду от богатых городских центров. Горожане сплачивались в борьбе, создавали самоуправление. Победа городов приводила к образованию городских коммун, которые утверждали республиканский способ правления и давали свободу подневольным людям. В старину говорили, что “городской воздух делает свободным”. В города бежали крепостные и, затерявшись здесь, обзаведясь семьей и хозяйством, становились свободными людьми. Именно город явился материнским лоном и рассадником либеральных демократических идей, правовых институтов, представлений о чести и достоинстве личности.

Городское самоуправление — вече — существовало и в русских городах Новгороде, Пскове. Однако татаро-монгольское иго и сформировавшееся, в борьбе с ним московское самодержавие мешали росту автономных городов. Это была одна из причин, тормозивших развитие демократии и правового государства в России.

В города стекалось богатство, съезжались мастера и ремесленники, люди науки, художники и поэты. Сюда влеклись авантюристы, игроки, молодые провинциалы, которые готовились покорить мир, разбогатеть и прославиться. Город осуществлял отбор людей, выделяя и увенчивая лаврами сильных, выносливых, хитрых, талантливых. Разумеется, эти сильные и хитрые нуждались в слугах, работниках. Поэтому город явился и рынком труда. Первоначально здесь торговали невольниками, а позже зародился рабочий класс. В городах социальное расслоение достигало степени антагонизма. Здесь возникли политические партии, парламенты, муниципалитеты, стал нарабатываться опыт политического управления, послуживший основой формирования мировых империй.

Возникновение городов — гигантский шаг в развитии человечества. Города — двигатели прогресса. И несмотря на то, что с ростом городов связаны многочисленные “язвы” цивилизации — пролетаризация населения, преступность, нищета, проституция — значение города для развития свободной жизнедеятельности человека и аккумуляции культуры — трудно переоценить.

Городской рынок — зародыш национального рынка, единого экономического “пространства”. В городах ученость выходит из монастырских келий на площадь, здесь возникают уличные театры, появляется письменность. Газеты, книги становятся достоянием масс. Возможность широкого духовного общения создает интеллигенцию.

Фольклорная культура сельского общества сменяется в городе письменной, книжной культурой. Книга служит концентратом знаний, средством закрепления идеологий, условием рациональной организации жизни.

Будучи, с одной стороны, “плавильным котлом”, в котором происходит перемешивание людей различных наций, сословий, возрастов, город в то же время группирует людей по профессиональным и политическим признакам, создает сложное иерархическое общество.

Нередко отмечается, что в городах стираются особенности национального характера. Но это верно лишь отчасти. Концентрируя и выражая в ярких культурных формах черты национального самосознания, формируя грамотную национальную аудиторию, город способствует возникновению национальной государственности и культуры.

Одной из характерных черт современной эпохи является урбанизация, включающая в себя бурный рост городов, образование городских агломераций, распространение черт городского образа жизни на обширные территории, занятые сельскими поселениями. Казалось бы, рост городов должен означать усиление и концентрацию городских черт жизни и городского сознания. В действительности это далеко не так. Урбанизация — процесс исключительно сложный и противоречивый. На сегодняшнем его этапе следует говорить не о торжестве городской культуры, а об утрате городом своей прежней духовно-культурной физиономии, о быстром, неконтролируемом росте городов, который сопровождается массовой культурой, нивелировкой личности. Пространственный, зримый облик современного

города с его сутолокой, транспортными пробками, запыленностью, шумом, горами строительного мусора заставляет с грустью вспомнить об уютных маленьких городках древности и средневековья.

Современный урбанизм есть продукт индустриальной цивилизации, выдвигания в качестве базиса общественной жизни крупной промышленности.

Старые города с их уникальными архитектурными памятниками стараются сегодня беречь, объявляют центр города заповедным. Однако, что касается окраин, периферии больших городов, то в какую бы часть света мы ни приехали, везде взгляд наталкивается на одну и ту же унылую картину: ряды однообразных домов-коробок. Между огромными каменными стенами человек ощущает себя букашкой. И это ощущение во многом соответствует реальному месту человека, который оказывается лишь винтиком огромного промышленного механизма. Правда, уже во многих странах ведется борьба за обновление городов, городская среда приводится в соответствие с психологическими, физическими и социальными потребностями человека. Достичь успеха в этой борьбе непросто по многим причинам. Рост численности городского населения, разрастание в них промышленности трудно контролировать. Поэтому в развитых странах намечается уже и тенденция дезурбанизации. Население, особенно зажиточные его слои, покидают становящийся все менее пригодным для жизни центр города и поселяются в пригородах, маленьких городах-спутниках, где относительная уединенность жилища и близость к природе сочетаются с высоким уровнем бытового комфорта. Однако доминантой социальных процессов в мировом масштабе по-прежнему остается индустриальная урбанизация, массовая “перекачка” людей из деревни в город, не способный, однако, обеспечить всех желающих хорошим жильем, услугами и работой. И что не менее существенно, город, переполненный людьми, вступающими лишь в случайные, кратковременные контакты, не создает устойчивой культурной общности, приводит к “атомизации” населения, изоляции личности.

В недалеком прошлом противоречия урбанизации сказывались прежде всего на беднейших слоях трудящихся. Сегодня они отражаются на жизни всех горожан. Отрицательные черты городской жизни в условиях экологического и социального кризиса, проблемы организации управления городским развитием обнажаются все явственнее. Положение не может быть улучшено до тех пор, пока в качестве приоритетной цели общества — не на словах, а на деле — не будет поставлено удовлетворение духовных, социальных и бытовых интересов человека.

Философы и писатели-романтики не раз подвергали критике городской стиль жизни. Город в их произведениях предстает в образе “спрута”, вампира, высасывающего соки из провинции. Город — вертеп разврата, он приучает к праздности, уродует личность, искажает нормальные человеческие взаимоотношения. Город в понимании романтиков есть средоточие зла, порока, безобразия, тогда как село — источник добра, нравственности и красоты.

Указывая на недостатки городской жизни, связь между ростом городов и падением религиозности, нравственности, стандартизацией жизни, романтики осуждают город как отход от истинного пути. Культура, по их мнению, есть локальный феномен, единство личности с ландшафтом, этносом, исторической традицией. Город, разрушая эти связи, приводит к упадку культуры. Возвращение к природе и деревенской общине является, согласно Руссо, Торо, Толстому, единственно правильным путем к спасению культуры. Романтическая критика города имеет давнюю традицию. Она проступает уже в произведениях античных писателей, но особенно резкой становится с началом быстрого развития промышленных капиталистических городов Европы с их имущественными контрастами и острейшими социальными противоречиями.

Как ни странно, но противоположная, еще более глубокая и древняя традиция критики села и утверждения городского стиля жизни в качестве образца для культурного человека менее известна. Между тем, уже в XIII в. средневековый проповедник-гуманист Иоанн Гарлендский в своем нравственном руководстве для школяров перечисляет семь качеств куль-

турного, философски мыслящего человека, которого он называет “городским” (*urbanus*). Эти свойства горожанина состоят в том, чтобы быть трезвым и умеренным в частных делах, с легким веселым видом вести дела общественные, быть любезным с людьми знакомыми и незнакомыми, избегать спора с товарищами, когда они возбуждены или разгневаны, смехом и шуткой “покрывать безобразное”, оставаясь безупречным в собственных мыслях, оказывать гостеприимство, быть стойким в тяжелых обстоятельствах и умеренным в радости. В этом перечислении добродетелей в качестве ядра личности выступает идеал человека, сочетающего легкий шутливый нрав с разумностью, достоинством и внутренней дисциплиной. Человек, не обладающий этими качествами, будет, по мнению Иоанна, считаться человеком “деревенским”.

В античной и средневековой литературе широко выражены представления об отличительных качествах горожан. При этом латинское слово *urbanitas* (городской) обозначало противопоставление не только всему сельскому, но также и чужестранному, не римскому. Облик городского человека включал в себя воспитанность, взыскательный вкус, правильную, приятную по звучанию речь. К качествам горожанина относятся также учтивость, любезность, обходительность и связанные с ними снисходительность и мягкость, которые Цицерон называл “человечностью” (*humanitas*). К этому общему образу городского человека прибавились со временем также пронизательность, скепсис и ирония. При этом именно ироничность становится преобладающей, а подчас и главной отличительной чертой столичного жителя, противопоставляемой простодушию и неискушенности человека из деревни. Наивысшее выражение городская культура античности находит в ораторском искусстве, которое играет в общественной жизни древности огромную роль. Цицерон, характеризуя Демосфена как идеального оратора, подчеркивает, прежде всего, его ироничность. Способность к иронии позволяет вскрыть нелепое, вызвать смех при помощи тонкого намека, иносказания, умелого утрирования выражений оппонента. При этом характерно, что объектом иронии часто становятся незадачливость, неумеренность, недостаток ума, неумение владеть собой — качества, которые чаще всего встречаются у деревенских людей.

Идеал городской культуры, ярко выраженный в произведениях Цицерона, начинает тускнеть, подвергается критике у Аврелия Августина и других христианских писателей, разочарованных ценностями античного общества. Для этих писателей не внешний лоск и острословие служат признаками истинной человечности, а вера, внутренняя гармония, живая связь с Богом — первопричиной всех вещей. Августин — сам будучи выходцем из провинции, не имевшим опыта широкой общественной деятельности, изначально был проникнут недоверием к сложной и противоречивой городской культуре. Он низко оценивал традиционные добродетели горожанина, утверждая, что все знаки, которыми пользуются люди при взаимном общении для удовлетворения своих нужд, для поощрения излишеств, ложных чувств, имеют лишь относительный, условный характер.

Отвержение Августина от соблазнов и зла светской городской культуры получило яркое выражение в его учении “о двух градах” — “земном” и “небесном”. Подобно обобщенному литературному образу античного города-государства символический Божественный Город Августина представлял собой идеал общественной жизни во всей ее полноте. В граде небесном часть культуры, которая служит непосредственному практическому жизнеустройству, теряет то абсолютное значение, которое она имела прежде, будучи освященной языческими культами и верованиями. Городские знания и умения полезны для христианина, но являются облачением, которое нужно лишь на земле.

“Небесный град” Августина предстает как сообщество людей, достигших совершенства. В свой град Августин принимает лишь философию Платона, как самое высокое выражение человеческого разума, с ее идеями совершенного порядка, гармонии. Он согласен признать и умозрительные науки, на которые опирается философия. Но все прочие знания, умения и искусства он оставляет за пределами идеального города.

Так образ города раздваивается в раннехристианском мировоззрении Августина.

В дальнейшем реальный город то противопоставляется “небесному граду” и утопическому “городу Солнца”, то приобретает с ними какую-то связь как источник или воплощение идеального города. Он подвергается критике и служит источником поэтических и философских вдохновений.

Поэтика урбанизма начинает все яснее звучать в культуре рубежа XIX—XX вв., проявляясь в модернистской эстетике “серебряного века”, искусстве пролеткульта. И нельзя не заметить связи этой урбанистской эстетики с теориями рационализации и централизации общественной жизни, искоренения крестьянства, превращения всего общества в “единую фабрику”. Нам, живущим в переполненных городах конца XX столетия, с их транспортной и жилищной теснотой, отравленным воздухом и неутрачиваемым шумом, трудно понять тех, кто на заре столетия восхищался красотой дымящихся заводских труб, воспевал поэзию “рабочего удара”, видел в индустриальном труде единственный прообраз будущего “социалистического машинизма” (выражение Н. И. Бухарина).

В концепциях, предложенных социологами Ф. Теннисом, Л. Хобхаузом, М. Вебером, Э. Дюркгеймом, Ч. Кули, Р. Парком, город также рассматривается как антипод села. Но это противопоставление служит лишь общеметодологическим приемом, с помощью которого все множество возможных поселений располагается в непрерывном континууме между “идеальным городом” и “идеальным селом”.

Село характеризуется как община, основанная на аграрном хозяйстве. В ней господствуют мораль, неформальные отношения. Цели и обязанности членов общины слабо дифференцированы. Поступки выражают не четко продуманный индивидуальный замысел, а соответствуют эмоциональному состоянию и привычной коллективной норме. Люди живут оседлой жизнью, мобильность мала. Население гомогенно, существует устойчивое согласие между членами общины. Контактное мало, но они устойчивы. Имущественные контрасты слабо выражены. Культура носит фольклорный характер, письменность отсутствует.

Городской тип имеет в качестве основы торговлю, ремесло, индустрию. Общественные отношения складываются на основе договора, контракта, жизнь регулируется законом. Господствует стремление к выгоде. Симпатии и эмоции не играют существенной роли. Население гетерогенно, мобильно, атомизировано. Существует сложная дифференциация статусов и профессий. Контакты многочисленны, но поверхностны. Господствует политическое сознание. На основе письменности и высокого уровня грамотности развиваются наука, философия, авторское искусство.

В социалистической идеологии в виде формулы о “стирании различий” была заложена мысль о неизбежной победе города над деревней, урбанизации всего общества, сплошной пролетаризации населения.

Однако проблема города не была последовательно решена в марксизме. При безусловном преобладании антидеревенских, урбанистических настроений большие города рассматривались в советской идеологии как “пережиток капитализма”, и при коммунизме должны были уступить место компактным городам-коммунам с численностью не более чем полмиллиона человек (предел, указанный Энгельсом). Хотя старые города перестраивались, сносить их никто не собирался и фактически они продолжали расти еще быстрее, чем до революции. Однако этот процесс происходил во многом стихийно, так как вплоть до послевоенного времени никаких генеральных планов развития городов не существовало. Когда же в эпоху “оттепели” признана была, наконец, социальная и экономическая неизбежность роста больших городов, крестьяне получили свободу покидать деревню, застройка городов приобрела еще более уродливый характер и качество жизни в городах заметно ухудшилось.

Глядя трезво на сегодняшние тенденции общественного развития необходимо признать неизбежность роста городов. В нашей стране деревня, несмотря на нехватку рабочих рук, обусловленную низким уровнем технического оснащения труда и его нерациональной организацией, все еще — трудоизбыточна. Процесс перекачки людей из деревни в город будет продолжаться и в обозримом будущем. Однако необходимо отказаться от ложной и вредной

идеи о “стирании различий между городом и деревней”. Деревня как особый тип поселения, обеспеченная коммунальными службами, характерными для города, может и должна сохраниться.

Специфический комплекс условий труда, досуга, быта, общения, характерный для деревни, обладает своими достоинствами. И крестьянство, как класс людей, живущих на земле и занятых в сельском хозяйстве, должно получить новый импульс развития в результате перестройки. Но проблема оптимальной организации жизни как в городе, так и на селе и их взаимосвязей не разрешена пока даже теоретически, и практически приобретает все большую остроту.

Проектирование и застройка городов, в которых разумные потребности человека получали бы удовлетворение, где достигалось бы оптимальное размещение зон труда, отдыха, обслуживания, жилья, сопряжены с исключительными трудностями. Это трудности как теоретического, так и практического порядка. Философы и антропологи все еще не ответили на вопросы: каковы же основные социальные и психологические потребности человека и как можно описать целостный ансамбль таких потребностей, учитывая всю их пестроту, многообразие, динамику, характерные для массы городского населения. Но даже если бы и удалось приблизительно ответить на эти вопросы — остается еще техническая сторона дела. Старые исторические города явно не соответствуют современным требованиям значительной массы горожан. Но разрушать их — было бы варварством. Наряду с городами, в которых много исторических памятников, есть множество городов-новостроек, которые возводились как временные поселения вокруг шахт, рудников, заводов и которые никакой культурной ценности не представляют. Их то и нужно бы перестраивать в первую очередь. Но они имеют нередко миллионное население, в их инфраструктуру вложены огромные средства.

Город — целостная система. Перестройка отдельных его участков вносит дисгармонию в городскую жизнь. Но перестраивать город сразу и целиком — также невозможно. К этому нужно добавить конфликт ведомственных интересов в городе. Огромные площади в новых городах заняты промышленными предприятиями. Культурные центры и очаги в них убоги и скудны. И пока городская промышленность почти целиком подчинена центру, а городские советы и исполкомы не имеют власти и достаточных средств, мечтать об удобном, чистом, эстетически оформленном городском пространстве не приходится.

Городские строения существуют не менее пятидесяти-ста лет. Но даже и этот небольшой срок их жизни достаточно велик при современных темпах технического и социального развития. Как строить город в перспективе потребностей будущего? Попытки такого строительства имели у нас место в 20—30-е гг. В то время возводились здания-монстры, которые оказывались непригодными, не успев войти в строй. Они устаревали как функционально, так и эстетически, сохраняясь как памятники самодовольства и ограниченности эпохи, их породившей.

Над решением проблем урбанизации и развития поселений — изучаемых особой наукой “экистикой” (от греч. “эйкос” — дом) — бьется мысль архитекторов, урбанистов, социологов. Однако, не говоря уже о сложности самих проблем, между их теоретическим решением и практической реализацией лежит дистанция огромного размера. Те, кто руководят промышленностью и управляют городом, редко имеют достаточный культурный кругозор. Они привыкли жить сиюминутными интересами, не способны противостоять напору мощных промышленных ведомств, требующих все больше и больше территорий для расширения предприятий. Поэтому города до сих пор растут стихийно и уродливо.

Попытаемся подробнее рассмотреть особенности городской среды и характер взаимодействия с ними человека.

Один из главных признаков городской жизни — разрыв связей человека с природой. Городская среда — искусственная. Почти все составляющие ее компоненты созданы, обработаны и размещены в пространстве человеком. Концентрация вещей и материальных предметов в пространстве города очень высока. Предметы эти — здания, убранство улиц, инте-

рьер городских помещений не просто сосуществуют с человеком, но включены в его деятельность. Они ограничивают, направляют его поведение, вызывают тот или иной психологический настрой, определенные социальные чувства. Уютные кафе, тенистые парки, заботливо расставленные на улицах скамейки, исправные телефоны-автоматы, просторные залы магазинов с прилавками, заполненными красиво расположенным товаром, вызывают чувства уверенности, солидарности, взаимной ответственности. Неубранные помойки, годами стоящие на ремонте дома, уродливые магазины с заколоченными окнами, сварные металлические конструкции, на которых аршинными буквами написаны лозунги, прославляющие партию и коммунизм — вызывают чувства тревоги, бессилия, бессмысленности бытия. Выводы из этого наблюдения сами собой понятны.

Но дело не только во внешнем облике городской среды, но, прежде всего, в функциональном назначении ее элементов и их согласованности. Горожанин ежедневно пользуется множеством вещей и служб, находящихся в общественной собственности — транспортом, средствами связи, кинотеатрами, автоматами, лифтами. Нормальная и полноценная городская жизнь предполагает осведомленность об устройстве, назначении и расположении всех этих вещей и служб, а также внутреннюю дисциплину, привычку к постоянному сотрудничеству и координации действий.

Особенности городской психологии и этики связаны с множеством факторов. Среди них отметим лишь некоторые.

Развитие квалифицированного труда, умственной и творческой деятельности, постоянная смена занятий порождают подвижность, гибкость личности горожанина. Расширение круга знакомств ведет к образованию множества оттенков взаимоотношений — начиная от очень устойчивых, интимно-дружеских и кончая случайными “шапочными” знакомствами. Психология и этика городского общения сложны. Привыкание к городу мигрантов, прибывших из села, продолжается годами и не всегда завершается успешно. Неудивительно, что значительное число правонарушителей в городе рекрутируется из числа плохо адаптированных мигрантов.

Богатство городской среды связано не столько с ее вещным разнообразием, сколько с разнообразием функциональным и символическим. В городе важны не столько вид и форма вещи, сколько ее регулятивно-знаковая функция. Тротуары, улицы, дорожные знаки, вывески учреждений и магазинов *служат* своеобразными сигналами, побуждающими напрягаться или расслабляться, менять походку и выражение лица. На центральной площади, в сквере, на городском пляже человек чувствует себя по-разному. Город состоит из множества соприкасающихся и переходящих друг в друга специализированных “зон”, в каждой из которых — свои ценности, нормы поведения, свое отношение к вещам и людям. В силу сложности и динамизма городской среды включение в нее требует мобилизованности, владения как бы множеством языков. Поэтому и привыкание к городу, особенно в пожилом возрасте, для прибывших в него сельских мигрантов — задача не из легких. Но тех, кто живет в городе с детства городская жизнь приучает к целеустремленности, умению рационально использовать время, планировать свою деятельность.

Нельзя, однако, сказать, что психология и мораль города во всех отношениях выше психологии и морали села. Сравнивая типы городского и сельского жителя мы возвращаемся к спору, который ведется без особого успеха уже несколько столетий. Для горожанина характерны, например, не только понятливость и расторопность, но также известная отчужденность, равнодушие. Холодность, бездушие, практицизм горожан давно уже стали мишенью критики писателей, симпатизирующих деревне.

Наряду с развитыми творческими учреждениями и центрами культуры характерной чертой города является досуг. Конечно, свободное время есть и у сельского жителя. Но в деревне у человека неленивого и здорового не возникает вопросов, что делать с досугом, как использовать свободное время? В деревне это время легко поглощается трудом в домашнем хозяйстве, лесными промыслами, рыбной ловлей. Смена времен года и состояний погоды

служит непосредственным сигналом к перемене деятельности. Природа, окружающая человека, служит естественным пространством деятельности и регулятором активности.

Не так обстоит дело в городе. Труд и досуг здесь разделены. Граница между рабочим и свободным временем столь же осязаема, как граница между сном и бодрствованием. Свободное время в городе не только гарантируется, но и вменяется в обязанность. Случается, что научные сотрудники даже жалуются, когда им, по соображениям пожарной безопасности запрещают оставаться в лабораториях в вечерние часы. Еще резче разграничено рабочее и свободное время у работников тяжелого, неквалифицированного труда. Выйдя из ворот завода, человек попадает в среду резко отличную от той, в которой он работает. Городская среда обычно исключает возможность какой-либо произвольной, специально не предусмотренной деятельности. В городе почти все пространство освоено. Если возникает желание поработать руками, его не всегда просто осуществить. Нужны материалы, помещение, инструмент. Для умственной деятельности нужны уединение, тишина. Для традиционных домашних занятий женщин — шитья, кулинарии, вязания — до недавнего времени не было особых препятствий, поскольку соответствующие материалы имелись в продаже. Однако сегодня и для женщин, не говоря уже о мужчинах, проблема индивидуального творческого досуга не всегда легко решаема.

В городе есть специализированные центры творческого, развивающего досуга — это библиотеки, театры, музеи, филармонии. Они то и составляют главное преимущество города по сравнению с селом. Но творческий активный досуг в городе требует специальной подготовки, развития духовных потребностей, которые не у всякого есть. Среднему малообразованному человеку город навязывает стандартизированный массовый досуг.

Ограниченность пространства и высокая плотность населения, во многом определили то направление, в котором развивался досуг в городе. В нем выработывались формы, способные на короткое время объединить совершенно незнакомых людей, сидящих, скажем, на трибунах стадиона или под куполом цирка. Массовый городской досуг предполагает минимум подготовки и вовсе не предполагает личного общения. Зато развивающая и просвещающая ценность такого досуга, как правило — низка. Вместе с тем индивидуальная, групповая, семейная культура горожан бывает очень высоко развита и дифференцирована. И чем больше размеры города, тем большую роль в общественной жизни играют творческие объединения, художественные студии, дома творческой интеллигенции, просто кружки и группы единомышленников, собирающиеся на дому.

Если о сельской культуре можно сказать, что она, в основном, экстенсивна, связана с использованием пространства, то городская культура — интенсивна, ориентирована на то или иное использование времени. Город активизирует работу психики, но ограничивает физическую активность, хотя и увеличивает утомляемость. Малая подвижность, обилие стрессовых ситуаций приводят к значительному росту сердечно-сосудистых заболеваний, нарушению обмена веществ, понижению общего жизненного тонуса.

Город нуждается в специальных центрах культуры, досуга, здоровья, общения. Без развитой системы таких центров, доступных каждому жителю, городская жизнь оказывается неполноценной и во многих отношениях вредной для человека. Следует отказаться от существующей до сих пор практики строительства и развития городов как промышленных центров, в которых досугу, общению, образованию не уделяется достаточного внимания. Город есть, прежде всего, центр культуры. Создавать город как завод-гигант, окруженный спальными районами, в которых имеются лишь самые необходимые коммунальные службы, как это практиковалось у нас до недавнего времени, значит вести дело к духовной деградации миллионных масс народа, которые, порвав с традиционной сельской культурой, по большому счету, не получают ничего взамен. Старая беда городов — люмпенизация и пролетаризация населения не только не изжита, но и не осознана в должной мере.

Выразить сверхзадачу города, сущностный смысл городской жизни можно с помощью разных образов. Город есть театр, книга, музей, школа, академия, лаборатория, рынок, сцена,

выставка мод, спортивный ринг и т.д. Но как бы не выражать этот смысл, ясно, что городом нужно разумно управлять, что жизнь в городе нужно сознательно строить и что городской культуре нужно учиться. Город есть саморазвивающийся организм. В отличие от сельской, инерционной и традиционной культуры, культура города динамична. Она не стоит на месте. И если город не укрепляет, не развивает свою культуру, она неизбежно будет деградировать.